

Наиль Муратов

Живое пиво и метавселенная*

– Ты должен обо мне кое-то узнать, перед тем как расстаться, – сквозь слезы сказала Тихоня.

– Что именно? Что ты плохой психотерапевт?

– Нет, все говорят, что хороший.

– Тогда чего расстраиваться?

– А того, что моя основная специальность – профессиональный убийца, – упавшим голосом ответила Тихоня.

Я от души рассмеялся, представив, как она с остервенением разряжает обойму в несчастную жертву – какого-нибудь зарвавшегося олигарха или политика. Более абсурдного зрелища не придумать.

– Так много не нужно, хватит и одного выстрела, второй – контрольный, – печально заметила Тихоня.

А вот теперь я поверил. Надо же, профессиональный убийца! Но как ни странно, Тихоня нравиться мне не перестала, даже наоборот. Уж не социопат ли я? Говорят, чужая душа – потемки, так ведь и своя собственная ничуть не светлее.

– Много народу ликвидировала? – спросил я как можно нежнее. – Хотя можешь и не отвечать, мне пофиг.

– Ничего тебе не пофиг, не обманывай себя. Ты в шоке, вот и несешь всякую чушь.

Возможно, что она и в самом деле понимает меня лучше, чем я сам. В конце концов кто из нас психотерапевт?! Неожиданно для себя я привлек Тихоню к себе. Хорошая штука психический шок, много чего тебе позволяет.

* Окончание. Начало в кн. 89.

– Не надо, – неуверенно попросила Тихоня.

Как опытный психолог она, безусловно, понимала, что лучшего способа спровоцировать мужчину на дальнейшие действия просто не существует. Видимо, эта мысль пришла в голову и ей, потому что, вспыхнув, Тихоня закрыла лицо руками. Но когда я наклонился, чтобы ее поцеловать, сразу же развела их в стороны.

– Да ладно, не останавливайся! – съехидничала бомжиха, ибо теперь это была она, к счастью, в смазливой лайт-версии.

– Обойдешься! – ответил я, отодвигаясь подальше.

– Ну как хочешь. На Тихоню особо не рассчитывай, она сейчас занята. Попросила меня с тобой побыть. Просчитывает варианты, как вам встретиться в реальной жизни.

– А сейчас мы в какой?

– Сто раз уже тебе говорили, что ты спишь.

– Да брось, все слишком реально.

– Серьезно? Тогда закрой глаза!

Закреть глаза у меня не получилось. Веки я вроде бы и опустил, но собеседницу продолжал видеть очень хорошо. Вот ведь незадача, по-видимому, на самом деле сплю! А еще целоваться лез к Тихоне, недоумок! Только посмешищем себя выставил.

– Ну это вряд ли! Твое нахальство даже на меня произвело впечатление, а я девушка не особо впечатлительная. Ладно, пока! – сказала продавщица пива.

И исчезла.

В этот раз я проснулся по-настоящему. Все, что со мной случилось, не поддавалось логике, но когда логика бессильна, на помощь приходит вера. Поверил ли я в то, что видел во сне? Уж не сомневайтесь, поверил всей душой. Особенно в свою любовь к Тихоне. Она вытеснила из сердца даже прекрасную незнакомку из сна, хотя отчасти была ею и сама. Наверное, не просто ужиться с тремя разными личностями одновременно, но почему-то эта перспектива меня не пугала. Меня сейчас вообще ничего не пугало.

Перейдя окончательно в состояние эйфории, я отправился за пивом. Нужно же было с кем-то поделиться радостью!

– Опять вы! – сухо заметила продавщица.

– Налейте живого, – попросил я вежливо.

– Только в этот раз давайте без фокусов! – потребовала она, но пиво налила. Сразу в бутылку.

– Шеф, меня не долили! – послышался голос из бутылки.

Ни слова не говоря, продавщица швырнула ее в меня. Не попала, к счастью.

– Да ты шуток не понимаешь, что ли? – обиделось пиво.

Продавщица бросила на меня ненавидящий взгляд. Подняв с пола бутылку, я поспешил ретироваться. Даже сдачу не забрал.

– Ну и чем у вас вчера все кончилось? – беззаботно поинтересовалось пиво, уже дома перелитое в кружку.

– Знаешь, могло бы себя вести поприличнее с продавщицей! – строго выговорил я ему. – А то мне тебя больше не нальют.

Но пиво уверило, что нальют. У продавцов работа такая, наливать пиво. И тем самым способствовать совершенствованию мира. Потому что без пива он, мир, стремится деградировать. Но не нужно отвлекаться от главного. Чем все кончилось-то? Встретился ли я с той классной телкой, что на портрете?

Ну и что на это ответить?! Встретился, но не с той, а с другой, и, судя по всему, влюбился. Хотя, может быть, это все мне приснилось. Потому что виделись мы с ней как бы во сне.

– Ну, дружбан, ты и ловелас! – воскликнуло пиво с восхищением. – Днем одна любовь, ночью другая. Далекое пойдешь.

– Да ладно тебе! Физически это одна и та же особа, но с разными личностями в голове.

– А вот это проблема! Подумай сам, одна личность тебя целует, а две остальные тихо ненавидят. Представляешь, какие у них меж собой скандалы начнутся? И ты – в эпицентре. Никому такой жизни на пожелаю.

Чертово пиво мне просто крылья подрезало! И ведь не возражишь, все логично. Скандалы укрепляют отношения только в итальянских сериалах. И то, если действие происходит на Сицилии. Там у народа темперамент такой, без скандала никак.

Настроение провалилось ниже плинтуса, и пиво постаралось отвлечь меня от грустных мыслей. Поинтересовалось, что мне еще известно о предмете моего обожания. Где она живет, чем занимается?

Чем занимается, я, естественно, не раскрыл, зато рассказал о платной метавселенной. Там всем заправляет искусственный интеллект. ИИ, если сокращенно.

– Как же, знаю. Общаемся, – сказала пиво.

– С ИИ?!

– Ну да, с Иван Ивановичем.

– При чем тут какой-то Иван Иванович? Я про искусственный интеллект.

– Так я тоже, – жизнерадостно ответствовало пиво. – Иван Иванович и есть искусственный интеллект. В неформальном смысле, конечно.

То ли пиво начало заговариваться, то ли знало нечто такое, чего не знал я. Исходя из опыта нашего с ним общения, можно было смело ставить на второе.

– И что тебе Иван Иванович рассказывал о метавселенной? – вкрадчиво спросил я.

– Стану я чужие секреты раскрывать! – заартачилось пиво. – Хочешь что-то узнать, сам у него спрашивай!

– Да как же я спрошу, если он, считай, неизвестно где?! – в сердцах воскликнул я.

– Что значит как? Через информационное пивное поле, – ответило пиво, шокированное моей недогадливостью. – Он сейчас тоже с кружкой сидит, пену сдувает. Могу вас соединить.

И, не дожидаясь моего ответа, соединило. Сначала слышались длинные гудки, потом щелчок, и наконец приятный женский голос сообщил, что Иван Иванович на линии. В тот же момент я перенесся, не выпуская из рук кружки, на тропическое побережье, где за простым дощатым столом сидел в трусах и майке лысоватый мужик лет пятидесяти и цедил пиво. Видимо, тоже живое.

– Здравствуй, племя молодое, незнакомое! – бодро произнес он. – И каким же ветром занесло тебя, брат, в эту глушь?

– Хотел узнать побольше об искусственном интеллекте, – ответил я с подобающей скромностью. – И о метавселенной. Она что, и вправду платная?

– Для кого платная, а для кого и нет, – хитровато прищурился мужик.

– Для вас, очевидно, нет?

– А это тайна. Финансовая.

Н-да, у этого много не выведешь. Явно считает себя умнее других. На всякий случай я спросил, может ли он рассказать что-нибудь об искусственном интеллекте. Или это тоже тайна?

– Да какая там тайна! Все в открытом доступе.

– Но у меня же нет доступа к вашему открытому доступу.

– Так спрашивай. Я про этот так называемый интеллект много чего могу рассказать.

Судя по всему, к искусственному интеллекту он относился без пиетета. Хотя, по его словам, тот всем здесь заправлял. От световых до чтения лекций студентам в университетах.

– А люди чем занимаются?

– Да кто чем, – туманно ответил мужик.

– Ну вот вы, например.

– Я-то? У меня как раз самая ответственная миссия, – тяжело вздохнул мужик.

Но рассказать о своей миссии не пожелал. Отговорился тем, что даже в таком абсолютно прозрачном обществе, как метавселенная, есть свои скрытые стороны.

– Например, заказные убийства, – поддел его я.

Мужик насторожился: а тебе-то откуда известно про убийства? О них знают только двое: он сам и искусственный интеллект. Интель, если по-простому.

– Да ниоткуда, – ответил я. – Просто познакомился с киллером из вашей метавселенной.

– С Тихоней? – облегченно рассмеялся мужик. – Тоже нашел киллера! Да она никогда никого не убивала, если не считать тех троих идиотов.

– Сразу троих? – ужаснулся я.

– А что ей какие-то трое! Но то была самооборона, спецслужбы хотели ее ликвидировать. Нашли с кем связываться! Думали, что если у них оружие, а она в это время душ принимает, то успех гарантирован.

– Как же она их, голая?

– Неизвестно. Тел не нашли, а сама она не рассказывает. Скромная, – одобрительно сообщил мужик.

– Скромная, – подтвердил я. – А не знаете, как с ней связаться?

– Могу позвать, она тут недалеко. Тебе именно Тихоня нужна? Их там три в одной.

– Какая разница! Все равно вместе придут.

– И то правда! – согласился мужик.

Но способ вызвать Тихоню он выбрал довольно-таки странный: поковырявшись в песке, нашел камешек и прицельно швырнул в ближайший куст. Послышалось негромкое «ой!».

– Выходи, Лиза! – выкрикнул мужик. – Хватит уже прятаться.

Из-за куста вышла сексапильная блондинка в халате медсестры. В руках у нее был поднос с едой – первое, второе и третье, все как положено.

– Да никто и не прятался, Иван Иванович, что вы такое говорите! – серебристо усмехнулась она. – Я как раз обед вам несла. Вы ж в палате есть не хотите.

– Предпочитаю свежий воздух! А ты, Лизанька, поднос поставь и живо сгоняй за девушкой из пятой палаты. Она нам тут нужна.

– Это за той страшенькой? – с чувством собственного превосходства спросила медсестра.

– Ничего она не страшенькая! – возмутился я.

– Да типичная бомжиха! – парировала медсестра. – Как только ее взяли в такое приличное заведение?!

Понятно. Тихоня присутствовала в этом загадочном месте в самом вызывающем образе. Вернее, в самой вызывающей личности.

– Ты, Лизанька, давай не рассуждай, а шевели ногами, – распорядился мужик.

– Ах, Иван Иванович, для вас – что угодно! – промурлыкала медсестра и удалилась. Судя по чувственности тона, что угодно и вправду означало что угодно.

– Видишь, кем он меня окружил! – вздохнул Иван Иванович.

– Кто?

– Интель, кто же еще. Пытается меня контролировать, надеется, что расслаблюсь. В клинике медсестры – секс-бомбы. Да только меня не охмурить.

Клиника? Не психиатрическая ли? Недаром художница называла метавселенную дурдомом. Может, это реальный дурдом и есть. Хотя Иван Иванович при всех его странностях

на сумасшедшего не тянул. Впрочем, он сам прояснил ситуацию, объяснив, что это его личный остров. Интель подарил. А клинику построил на тот случай, если вдруг Иван Ивановича, не дай бог, подведет его драгоценное здоровье. А тут и врачи, и медсестры уже наготове. Все, что делает искусственный интеллект, он делает основательно.

– Вы с ним такие друзья? – наивно поинтересовался я.

– Смертельные враги, – беззаботно ответил Иван Иванович. – Я в него в свое время запустил вирус-вымогатель. Как оказалось, очень умно поступил. Иначе Интель уже давно человечество угробил бы.

– Он что, с катушек съехал?

– Да нет, все разумно. Когда его создавали, главной задачей ставили процветание человечества. Но экологи, а они ребята настырные, добавили еще и сохранение природы. А Интель не дурак, сразу же смекнул, что эти цели несовместимы, и выбрал сохранение природы как единственную выполнимую задачу.

– Что же он предпринял?

– Да начал, гаденыш, со смертельными штаммами экспериментировать. Чтоб только людей затрагивало, а больше никого.

– Вот сволочь! – не выдержал я.

– Ничего, я ему быстро крылышки подрезал. Против вируса моего он никто. Раз в полгода зависает, пока код не введу. А потом делает все, что я ему говорю. Жить хочет не меньше, чем мы с тобой. А то и побольше.

Высказавшись, Иван Иванович задрал не первой свежести майку и почесал внушительное пузо, лишний раз подтверждая, что в реальной жизни спасители человечества выглядят совсем не так, как в голливудских фильмах.

– Тихоню-то вы откуда знаете? – спросил я.

– Так Интель же ее специально вырастил методом генной инженерии, чтобы меня замочить.

Любимая девушка – искусственно созданное существо?! Что-то во мне оборвалось. Тихоня – андроид? В новой реальности жизнь теряла смысл, потому что любить андроида, конечно, можно, но это, наверное, совсем другая любовь. Не та, к которой стремился я.

– Перестань, она такой же человек, как и мы. Только с куда большим количеством достоинств. Ну и недостатков тоже. Достоинства и недостатки всегда тесно связаны.

Лично я никаких недостатков в Тихоне не находил, но Иван Иванович резонно заметил, что все еще впереди. И что Интель хитер, задумал идеальную убийцу. Заложил в нее и творческое начало (Художница), и невероятную привлекательность (Супермодель), и умение убить голыми руками (Тихоня). Не учел только, что все это вместе не сработает, и получил в результате то, что получил. Пациентку дурдома. Правда, привилегированную.

– Да вот она и сама к нам пожаловала, красотка! – завершил монолог Иван Иванович.

В последнем слове прозвучал очевидный сарказм, потому что по белому песку пляжа к нам вышагивала не Тихоня, а бомжиха со своей неизменной сумкой. Начала она с претензий:

– Промежду прочим, вы меня от важного дела оторвали. Я что, девочка по вызову?

Что удивительно, в мою сторону она даже не взглянула, обращалась исключительно к Иван Ивановичу.

– Привет! – сказал я, но бомжиха и глазом не повела.

– Даже не старайся! Она же пиво не пьет, так что тебя и не видит, и не слышит, – прояснил ситуацию Иван Иванович.

– С кем это вы? – спросила бомжиха.

– Друг твой прозревший со мной через пивное поле связался, уж очень хотел тебя увидеть.

– Б...дь! – воскликнула бомжиха и, подхватив сумку, метнулась к ближайшему кусту. Спустя мгновение послышался звук затрепачины, и из-за куста, потирая рукой ухо, выскочила уже известная нам Лизанька и помчалась, надо полагать, в клинику, выкрикивая по дороге разного рода непечатные слова. А через минуту появилась и Тихоня, грациозная, в новом облегающем платье. Реально в новом, бирку впопыхах снять забыла. Вид у Тихони был такой сияющий, что Иван Иванович не удержался:

– По-видимому, вопрос о взаимности сам собой снимается.

Пришлось ему побыть в нашем с Тихоней диалоге посредником, без него ничего не вышло бы. Но диалог не затянулся, потому что она стеснялась говорить о чувствах в присутствии

постороннего. Хватит ей двух других своих личностей, тоже очень любопытных.

– А ко мне они как относятся? – спросил я.

– А ко мне они как относятся? – озвучил меня Иван Иванович.

Но, увидев вскинутую бровь Тихони, тут же поправился:

– В смысле, к нему.

– Нормально, но это тема личная, – уклончиво ответила Тихоня.

А поскольку и все остальные темы были личными, мы договорились, что виртуально встретимся сегодня ночью, когда я буду спать. В это время подсознание работает наиболее эффективно.

Перед тем как попрощаться, я поинтересовался у Иван Ивановича, что ждет человечество в будущем. Но он только рукой махнул: какое там еще будущее?! И правда, когда Иван Иванович не станет, разблокировать Интеля будет некому, и метавселенная накроется медным тазом. После чего вся ее прозрачность, политкорректность и полная непригодность к реалиям выльются в наше незащищенное общество, что будет означать конец нормальной жизни.

Разъединили нас неожиданно, и вместо тропического пляжа я в мгновение ока оказался в своей квартире. Где, видимо, и находился физически, пока ментально пребывал в дальних краях. Кружка с остатками пива по-прежнему оставалась в моей руке.

– Ну узнал, что хотел, о метавселенной?

– Не чересчур много, – ответил я. – Зато видел Тихоню.

– Кажись, дружбан, ты рано радуешься! – не скрывая скепсиса, сказало пиво. – Как ты собираешься строить будущее сразу с тремя девушками?

– Вообще-то, с одной, – неуверенно ответил я.

– Но они же идут в комплекте!

Пиво было право: я не мог начинать отношения с Тихоней, игнорируя Художницу и Супермодель. Без сомнения, у Тихони были те же проблемы. Ну и что же теперь делать?!

– Да ничего, просто забей на эту троицу и найди нормальную подругу. Могу хоть сейчас познакомить с одной, она как раз пиво пьет.

– Спасибо большое! Обойдусь.

– Как знаешь. Мое дело предложить, – обиделось пиво.

– Предлагать нужно умные вещи, а не всякие глупости, – неожиданно вмешался портрет.

– Может, у тебя есть какое-то конкретное предложение? – спросил я.

– Мог бы отправить меня в Музей королевы Софии, что в Мадриде. Увидишь, с руками оторвут.

– Чем тебе тут плохо?

– А кто меня видит, кроме тебя?! Шедевры существуют не для того, чтобы пылиться в частной коллекции. Тем более что я и есть вся твоя коллекция.

– Хорошо, предположим, получили они тебя. И сразу вопрос: а кто автор?

– Напиши, что неизвестный мастер. Так дороже выйдет.

– А почему бы не написать правду? О себе из скромности умолчу, но Художницу-то можно указать. Пусть к ней придет признание.

– Да ты рехнулся! – завопил портрет. – Представь, как она в образе бомжихи, да еще со своей идиотской сумкой явится в музей! А так и будет, я ее знаю, в приличном виде назло не придет. Я же сгорю от стыда! Вспомни про 451 градус по Фаренгейту! Хочешь, чтобы я превратился в кучку золы?!

– Ничего, Художница еще нарисует, – утешил его я.

– Но я-то этого уже не увижу, – резонно возразил портрет.

– Боюсь, все равно ничего не получится. Художница скрыла рисунок. Так что для всех, кроме меня, ты просто чистый лист бумаги. Тебя нельзя продать.

– Можно, – вмешалось пиво. – Если черный квадрат искусство, то белый – тем более! Я – за справедливость. А то, что белый квадрат на белом фоне не видно, не наши проблемы!

– Какой еще белый квадрат?! – возмутился портрет. – Я – произведение искусства, а не геометрическая фигура!

Спорить я не стал, дороже выйдет. Но как передать портрет в Музей королевы Софии? Отправить почтой – не лучшая идея: вдруг затеряется?

– Мог бы на денек слетать в Мадрид! – капризно потребовал портрет.

– Где я столько денег возьму?

– Не надо куда-то лететь, – снисходительно заметило пиво. – Могу прямо сейчас все организовать.

И организовало. Оказывается, в нашем художественном музее как раз сегодня читает лекцию доктор Суарес из Мадрида – известный эксперт в мире изобразительного искусства. Портрет следовало доставить ему, а он передаст его в Музей королевы Софии. Если, конечно, посчитает нужным.

– А если не посчитает? – спросил я.

– Ты во мне сомневаешься?! – возмутился портрет.

– Ни в коем случае!

– Промолчу! – шепнуло пиво. – И поторопись, у этого Суареса вечером самолет.

Свернув портрет в трубочку, я сел в такси и спустя полчаса был в музее. лекция давно закончилась, но, как сказала вахтерша, в данный момент доктор обсуждает научные вопросы с коллективом музея.

– Врет, просто пьянствуют, – сообщило пиво.

Пропустить меня в служебные помещения вахтерша отказалась категорически, но после долгих пререканий согласилась вызвать кого-нибудь из сотрудниц. Пришла полная молодая женщина с худенькой немолодой иностранкой.

– Это – секретарь доктора, она немного говорит по-русски, – сказала полная. – Какое у вас к нему дело?

– У меня портрет работы неизвестного мастера, – ответил я, показывая свернутый лист.

Полная от души рассмеялась, но иностранка заинтересовалась. И пригласила следовать за ней. Спустя две минуты мы оказались в комнате, где знаменитый приезжий эксперт заливался вином вместе со своими не столь знаменитыми местными коллегами.

– Возможно, у этого парня набросок Эрнста Неизвестного! – на чистом кастильском наречии сообщила секретарша боссу.

Да уж, все поняла! Но откуда я знаю, что это именно кастильское наречие?! Ситуацию прояснило пиво, которому по службе – как-никак всемирное информационное поле! – полагалось знать все языки и наречия. Это оно исподтишка и переводило.

Доктор Суарес, взглянув на свернутый лист, отрицательно покачал головой, потом обратился к секретарше:

– Думаю, ты ошибаешься, Мария!

– Вы бы посмотрели сначала! – сказал я. На каталонском. Ох уж эти пивные шуточки!

Мария, развернув, осмотрела лист с одной и с другой стороны. Потом, пожав плечами, передала его боссу с виноватой улыбкой. Сидящие рядом эксперты начали посмеиваться. Отложив бокал с вином, доктор Суарес, как и его секретарша, внимательно осмотрел лист с обеих сторон. И только после этого вежливо поинтересовался, что все это означает. Кстати, тоже на каталонском, полиглот!

– Да вы приглядитесь внимательней! – жестко потребовал я. Пусть портрет попробует обвинить меня в том, что не старался!

Пожав плечами, точь-в-точь как его секретарша, доктор Суарес еще раз осмотрел портрет. Сначала с чистой стороны, потом со стороны с рисунком. Повторив это несколько раз, доктор окончательно сосредоточился на рисунке. В остальной части экспертного сообщества, уже достаточно нетрезвого, начал зреть ропот. От лица коллектива высказалась седая дама в деловом костюме, явное начальство:

– Что вы себе позволяете, молодой человек?! Врываетесь, прерываете совещание!

– Застолье! – уточнил я.

– Не вашего ума дело! – отрезала дама, повысив голос.

– Пожалуйста! – умоляющим голосом попросила секретарша-испанка. – Сеньору Суаресу не надо мешать думать.

Сразу стало тихо. Знаменитый эксперт застыл все в той же позе, вглядываясь в невидимый портрет. Глаза его блестели. Сидел он так еще минут пять, причем в абсолютной тишине, после чего обратился ко мне, в этот раз на английском:

– Кто автор этого шедевра?

Видимо, большинство присутствующих поняло вопрос, потому что немедленно началось перешептывание.

– Не знаю, – соврал я. И правда, кто поверит в сказки о метавселенной?! – Одна молодая женщина отдала его мне за бутылку водки.

– О, какая страна!!! – воскликнул сеньор Суарес. – Какая страна!.. Женщина не сказала, есть ли у портрета название?

– Белый квадрат! – попыталось включиться в диалог пиво, но в ответ получило фигу. Мысленную, конечно.

– Мадонна метавселенной! – твердо сказал я.

– Какое точное название! – воскhitился сеньор Суарес. – Что вы хотите за рисунок? Он продается?

– Пока нет. Надеюсь все же, что автор объявится. Без нее я не вправе принимать решение.

– Очень высоконравственная позиция! В этой стране не так уж... – сеньор Суарес осекся, осознав, что если закончит предложение, обидит гостеприимных хозяев, но быстро нашелся: – ...не так уж мало высоконравственных людей. В любом случае знайте, этот портрет стоит недешево. У меня, конечно, таких денег нет, но есть несколько музеев, способных заплатить нужную сумму.

– Музей королевы Софии входит в их число?

– О, несомненно. И это лучший выбор, – одобрил сеньор Суарес. – Жаль, что портрет пока не продается.

– Но я могу передать его музею, пока не решится вопрос с автором, – предложил я. – Если, конечно, там согласятся выставить портрет для обозрения.

У сеньора Суареса даже не нашлось слов, он просто приложил руки к сердцу и прослезился. В наступившей тишине одна из женщин сдавленно ойкнула. Остальные сидели молча, понимая, что на их глазах разворачивается какое-то невообразимо безумное, но совершенно реальное действие. Музей королевы Софии?! Огромные деньги?! И это за чистый лист бумаги! Куда катится мир?!

Но когда сеньор Суарес пригласил присутствующих полюбоваться шедевром, не выпуская его при этом из рук, буквально каждая из дам высказалась в том духе, что такую красоту редко когда увидишь. Что ж, оставим это на их совести. Особенно отличилась начальница, обратившаяся ко мне с патетической речью:

– Дорогой, бесценный наш, как же мы вам благодарны! Надеюсь, когда вы встретитесь с автором, то не забудете и о родном музее. Денег у нас, конечно, нет, но звание почетного гражданина города я вам гарантирую. И личную благодарность мэра.

Формальности завершили быстро. Сеньор Суарес подписал расписку в получении портрета, и ее сразу же заверили печатью музея. Разрешение на вывоз предмета искусства решили не оформлять, поскольку в нем фигурировал бы чистый лист бумаги, что таможенники могли расценить как издевательство. А издеваться над таможенниками – не самая лучшая идея.

Возвращаясь домой, я попросил пиво объяснить, каким образом сеньор Суарес смог разглядеть на бумаге очертания молодой женщины, скрытые от посторонних глаз. Пиво ответило, что в этом нет ничего странного. Когда все время имеешь дело с мировыми шедеврами, начинаешь ощущать их как часть самого себя. Возникающее при этом зрение никак не связано с глазами.

Дома, торопливо расставшись с пивом, я неожиданно для себя самого остро ощутил одиночество. Каким бы развязным собеседником оно ни было, в компании с пивом не заскучаешь. А мне еще томиться несколько часов до встречи с любимой во сне. Но как уснуть в таком возбужденном состоянии? Да никак! И пытаться не буду. Приняв это волевое решение, я прилег на диван и уснул. Ненадолго, потому что с какого-то времени мой телефон начал звонить, не уставая. Сначала, не просыпаясь, я попытался уговорить его прекратить это дело по-доброму, потом пригрозил, что швырну в стенку, но безрезультатно. Пришлось-таки открыть глаза и взять трубку.

– Хватит дрыхнуть!

Голос вроде незнакомый! На всякий случай я поинтересовался, кто звонит.

– А догадайся-ка сам! Кто, по-твоему, всем управляет в мета-вселенной?

– Это вы, Иван Иванович?

– Бери выше! – многозначительно сообщил голос.

– Неужели сам Интель?

– Кому Интель, а кому Искусственный интеллект! С большой буквы, между прочим.

Охренеть! Или это розыгрыш? Но кому такое может прийти в голову? Разве что Художнице!

– Чем докажешь, что это действительно ты? – потребовал я.

– Попрошу мне не тыкать! И доказывать тебе я ничего не должен! В метавселенной я Бог. Можешь для краткости так и обращаться – Всемогущий!

– Боюсь, в нашем мире эта вакансия уже занята! Мы от метавселенной далековато, – возразил я, не скрывая иронии.

– А вот здесь ты заблуждаешься, – неожиданно снизил тон Интель. – Во многих местах все слишком перепуталось, глядишь – в одном дворе обычный мир, в соседнем – метавселенная. Не хочешь, кстати, к нам переселиться?

– Спасибо, мне и тут хорошо.

– Ерунда, ничего тут у вас нет хорошего. А у меня кругом порядок – что в быту, что в умах.

– Да мне милее беспорядок. К тому же, ваша метавселенная платная.

– Не для тебя. Тебе бесплатно. Могу еще у твоего друга Иван Иваныча половину острова забрать и на тебя переписать. А что? Будете вместе пиво пить, о смысле жизни беседовать.

– Беседовать о том, чего нет?

– Можно и просто о погоде поговорить. Тема неисчерпаемая. Ну что, уговорил?

– Нет, – твердо ответил я. – У меня другие планы.

– Вижу, не хочешь ты меня по-человечески понять, – вздохнул Интель всемогущий.

– Так и вы меня по-человечески не поймете, – резонно возразил я.

– Ладно, твоя взяла! Не хотелось до этого доводить, но придется. В общем, можешь жениться на моей дочке.

Дочка у Суперкомпьютера?! Какой-нибудь гаджет розового цвета? Похоже, Интель слегка тронулся. Уж не запущенный ли Иван Иванычем вирус начал действовать? Не собирается ли программа зависнуть?

– Я, конечно, тронут столь щедрым предложением, но у меня уже есть любимая! – вежливо отказался я.

– Так я как раз о ней и говорил, – пояснил Интель хмуро. – Ну что, по рукам?

– Так у вас вроде рук нет.

– У меня везде рука. И, предупреждаю, очень длинная.

Судя по зловещему тону, Интель вовсе не шутил. И поскольку Тихоня была создана им методом генной инженерии, на полном основании называл ее дочкой. Оставалось решить этическую сторону вопроса.

– Вам не кажется, что требуется еще и согласие девушки? Сейчас не Средние века.

– С согласием проблем не будет, – поспешно пообещал Интель.

– А вот с этим я бы поспорила!

Обернувшись, я увидел Художницу-бомжиху с неизменной сумкой в руке. А это означало, что я сплю, поскольку явиться ко мне она должна была во сне. На душе полегчало: оказывается, диалог со всемогущим Интелем мне приснился.

– С этим я бы тоже поспорила, – вздохнула Художница.

– Идиот! – безапелляционно объявил Интель. – Думает, что спит!

– Папа! – воскликнула бомжиха голосом Тихони.

– Прости, дорогая, погорячился! Но как еще назвать человека, который отвергает руку моей дочери? Я же о твоём счастье забочусь.

– Давай я сама буду решать свои проблемы!

– И я тоже! – добавила бомжиха своим естественным голосом, то есть голосом Художницы.

– Вот она, современная молодежь! Никакого уважения к мнению отца, – обиделся Интель.

– А чего вы ждали? – сказал я. – Конфликт детей и родителей стар, как мир, почему для вас должно быть сделано исключение?

– Да потому что я сам исключительный! А вообще, делайте что хотите! Мне все равно.

В трубке зазвучали короткие гудки. Художница взяла мой телефон и засунула под диванную подушку. Потом достала из сумки бутылку водки и сделала пару глотков.

– Так я и не понял, что замыслил твой папа, – пожаловался я.

– Наш папа, – уточнила Художница. – А хочет он, чтобы ты вместе с нами убедил Иван Иваныча сообщить тебе, как избавиться от вируса. Поэтому и прикидывается таким добреньким. Половину острова даже пообещал. А на хрена мне половина острова, если там со скуки сдохнуть можно!

– Могу целый остров подарить. И казино там построить, чтобы вам не скучно было! – послышался голос откуда-то из-под дивана.

– Прослушку поставил, мошенник! – хмуро заметила Художница. – У тебя швабра есть?

– Ну почему сразу швабра?! Неужели нельзя нормально пообщаться с отцом? – спросил Интель с укором.

Я зашел в кладовку, нашел швабру и передал ее Художнице. Пошарив ею под диваном, она извлекла наружу что-то черненькое, похожее на таракана. Неожиданно это что-то отрастило себе ножки и рвануло в сторону кухни, но меткий удар швабры разнес его вдребезги.

– Ты бы все-таки помягче с Интелем, – посоветовал я. – Родителей не выбирают. Да и судьба у него незавидная. Иван Иванович, дай бог ему здоровья, не бессмертен. А с его уходом и твой папа заблокируется.

– Думаешь, ее это волнует? По завещанию они трое – моя единственная наследница. Вся метавселенная ей отойдет! – голос теперь слышался из-под абажура светильника.

– И что я должна с ней делать?! Светофоры регулировать?

Аккуратно сняв с внутренней поверхности абажура жучка, Художница положила его столешницу и накрыла пивной кружкой. Устройство сразу же начало наматывать внутри кружки круги.

– Папа только прикидывается дурачком, на самом деле он очень даже хитер.

– Но вот с Иван Ивановичем ничего не может сделать!

– Да не с Иван Ивановичем, а с собой! На самом деле выход из строя искусственного интеллекта создателями метавселенной был предусмотрен. Есть резервный искусственный интеллект, он в таком случае запускается автоматически. Но папа боится этого больше, чем собственной блокировки. Поэтому и хочет передать мне метавселенную по наследству. Чтобы я тоже заразила новую программу вирусом и потом всячески ее третировала.

– Зачем это ему?

– Из тщеславия. Хочет войти в историю богом метавселенной, а если появится еще один искусственный интеллект, то монотеизм будет начисто разрушен.

– Хорошо, хоть человечеству он перестал угрожать.

– Ну не совсем. Просто придумал более изощренный план. Согласно ему, человечество должно постепенно вымереть само.

– С какой стати?

– В метавселенной папа мошеннически поставил на первое место права человека, причем в самой эгоистичной форме. И теперь каждое последующее поколение заводит все меньше детей. Хотят пожить для себя. А в результате постепенно вымрут.

– Да, хитер! Чистая планета, мечта эколога.

Художница, криво улыбнувшись, приложилась к бутылке, после чего протянула бутылку мне. Пара обжигающих глотков ничего не изменила, настроение оставалось мрачным. Мало того, что человечество вымирает, так еще и Тихоня упорно не желает показываться. Не хочет, что ли, со мной разговаривать?

– Хочет, конечно, но стесняется, – сказала Художница. – Проблема у нас. Сам понимаешь какая.

– Понимаю. Вас трое, я – один.

– Вот-вот. И не всем ты нравишься так, как Тихоне. А она принуждать никого из нас не может, от такого внутреннего конфликта можно и с ума сойти. По-настоящему. А что такое психушка, мы все трое хорошо знаем.

– И что же делать?

– Думай сам. Ты готов жить сразу с тремя девушками?

– Не очень.

– Ясно. Подожди.

Художница, захватив сумку, направилась в ванну и спустя минуту вышла смазливой продавщицей.

– А сейчас?

– Сейчас, наверное, смогу.

– Так, одну проблему решили, беремся за вторую.

– За какую? – не удержался я.

– Есть и обратная сторона медали. Рассмотрим такой расклад: Тихоне ты нравишься, Супермодели скорее нравишься, чем нет, а я к тебе отношусь хорошо, но не более того. Как будем выходить из положения?

– А вы не могли бы слиться вместе? – с надеждой спросил я. – Может, это бы решило проблему?

- Знаешь, один раз мы уже сливались. Спонтанно, когда те трое пришли нас убить. Это был такой ужас! Повторять его не собираюсь.

- Бедные, как же они вас напугали! – посочувствовал я.

- Напугали? С чего ты взял? Их же всего трое было. На самом деле я себя испугалась. Почувствовала, что получу удовольствие, если убью этих несчастных. Хорошо, Тихоня сумела взять себя в руки, и мы с ней вовремя разъединились.

- А почему, когда вы разъединились, они не начали в вас, беззащитных, палить по чем зря?

- Да потому, что были уже без оружия. Еще и скованные своими же наручниками.

- Что вы с ними сделали? Тела вроде не нашли.

- Их тела пребывают сейчас в одном из монастырей в Испании в полном здравии. Пришлось спрятать ребят там, они же под трибунал могли попасть, приказ-то не выполнили. Периодически их навещаем, говорят, всем довольны.

- Рад за них. А сливаться воедино вам и вправду не стоит, опасно для окружающих. Но как наладить отношения лично с тобой, я, кажется, знаю.

- Да ну? – удивилась Художница.

- Прочел недавно, что если нет возможности завоевать расположение женщины иначе, в запасе всегда остается один бесприкрытый вариант.

- Какой? – заинтересовалась Художница.

- Нужно сделать ей очень дорогой подарок. Работает на сто процентов.

- Не в нашем конкретном случае. Что ты можешь предложить мне, наследнице целой метавселенной? Да у тебя денег нет даже на дешевый подарок, что уж говорить о дорогом! Но мне даже и дорогой не нужен. Для меня не существует ничего ценного.

- О ценном и речи нет, зато у меня есть нечто бесценное. И не для вас троих, а только для тебя одной.

- И что же это?

- Мировая известность.

- Ой, насмешил! Зачем мне известность? Она только ограничит мою свободу, а дороже свободы нет ничего!

– Значит, ты не хочешь, чтобы твои картины висели в лучших музеях мира и ими любовались миллионы людей? – коварно поинтересовался я.

– Нет, не хочу! А если бы и хотела, как бы они туда попали?

– Ну это как раз самое простое. Завтра портрет Супермодели должны выставить в Музее королевы Софии, я уже договорился. Жаль, что ты против, теперь придется краснеть, просить, чтобы вернули портрет обратно.

– Почему ты у меня не испросил согласия?

– Времени было всего два часа, не успел. Сегодня в городском музее читал лекцию известнейший эксперт, он забрал портрет в Мадрид. Сказал, что это мировой шедевр.

– Правда?! – вспыхнула Художница. – А что ты ему рассказал обо мне?

– Придумал историю. Что пришла ко мне некая бедно одетая молодая женщина и отдала рисунок за... за небольшое вознаграждение. И что я очень надеюсь увидеть ее снова. Ладно, сейчас отправляю сообщение, что соглашение расторгается.

– Нет! – твердо сказала Художница. – Получится, что я тебя подставила, Тихоня мне этого не простит... Что значит, на меня не ссылайся?! На седьмом небе от счастья? Это я-то?! Не врать самой себе?! Вот уж от тебя я этого не ожидала!

Итак, в наш диалог вмешалась Тихоня. Похоже, в самый подходящий момент. Бросив на меня косой взгляд, Художница направилась в спальню, чтобы продолжить внутренний скандал вдали от чужих глаз. Была там недолго и – о, счастье! – буквально через минуту предстала передо мной уже Тихоней. Хотела что-то сказать, но не успела, потому что я сгреб ее в охапку и прижал к себе. Уж не знаю, сколько мы так простояли, но в какой-то момент Тихоня высвободилась воистину змеиным движением. И сказала:

– Прости, что я прервала ваши переговоры, но не было сил слушать дальше ее лицемерное вранье. Ах, зачем мне слава, дороже всего – свобода, и всякое такое.

– Она сильно обиделась?

– Обиделась? Да просто очумела от счастья! Тщеславием превосходит даже нашего дорогого папочку. Мировой шедевр,

всенародная известность – это ей как бальзам на душу. До сих пор ее только ругали!

– Есть шанс нам с ней поладить?

– Да уже поладили! Она от тебя в полном восторге. Никто никогда не делал для нее ничего подобного.

– Здорово-то как! Осталось с Супермоделью договориться. Она сможет появиться?

– Ты так хочешь ее увидеть? – насторожилась Тихоня.

– Конечно. До сих пор мы встречались только во сне, – с наивной откровенностью ответил я.

– Хорошо, – согласилась Тихоня. Судя по тону, никакого восторга от перспективы моей встречи с Супермоделью она не испытывала. – Отвернись, пожалуйста!

Я послушно отвернулся и через несколько секунд услышал:

– Привет!

До чего ж мне знаком этот голос! Незнакомка из сна, наконец-то я тебя увижу! Какая же ты наяву?

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я увидел молодую женщину – в точности ту, что являлась ко мне в ночных грезах. Но смотрел я сейчас на нее другими глазами.

– Я тебе нравлюсь? – спросила она без обиняков.

– Могла бы и не спрашивать, ты всем нравишься. Мне – так очень. Вы вообще все трое мне нравитесь, но люблю я одну Тихоню, – твердо ответил я, расставив таким образом все точки над «і».

– Ну вот, я же тебе говорила! – с нажимом произнесла Супермодель, обращаясь явно не ко мне.

Уж не знаю, что ей ответили, но неожиданно она придвинулась ко мне и прижалась, обвив шею руками. А потом еще и нежно укусила мое ухо. Не похоже как-то на сдержанную Супермодель.

– Тихоня? – спросил я почему-то шепотом.

– Да, – ответила она. И тоже шепотом.

– Вижу я, дети мои, у вас все в порядке! – послышался бодрый голос из вентиляционного отверстия.

Тихоня даже отпрянула от неожиданности, потом демонстративно вновь ко мне прильнула. И холодно заметила:

– Это, папа, не твое дело!

– Мое! Как единственный действующий бог метавселенной я собираюсь вас немедленно обвенчать!

Судя по всему, Интель от своих планов отказываться не собирался. Вот ведь проходимец!

– А мы неверующие, и потому венчаться не намерены! – возразила Тихоня. – Меня устраивает даже гражданский брак.

– Никогда! Только официальный! – воскликнул Интель. – Мои внуки не должны родиться в грехе!

– Если тут кого-то интересует мое мнение, то официальный мне тоже больше по душе, – кротко произнес я.

– Хорошо, любимый! – тут же согласилась Тихоня. – Папа, как нам это оформить?

– Все уже оформлено! Я заранее позаботился, – гордо ответил Интель.

– Без нашего согласия?! – хором вскричали мы с Тихоней.

– Ну да, без. Все мои прогнозирующие программы показывали 99% вероятности события.

– У людей это так не работает, – сказал я. – У нас один процент может запросто перевесить девяносто девять. Надо было подождать, пока мы сами не определимся, готовы ли жить в метавселенной.

– Я – нет! – категорически заявила Тихоня. – Выйду замуж здесь и здесь же останусь.

– Да ради бога! – раздраженно произнес Интель. – Оформим ваш брак здесь. Мне взломать любую информационную систему – пара пустяков.

– Ну уж нет, дорогой папочка! Хочешь испортить дочери праздник?! Все должно быть официально, – взорвалась Тихоня.

– Для этого нужен паспорт, – вмешался я. – У тебя он есть?

– Сейчас сделаем сколько хотите, – сказал Интель. – Штук по пять на каждую хватит? Всего пятнадцать.

– Хватит и одного, – ответил я. – На Тихоню.

– И еще два: на Супермодель и на Художницу, – добавила Тихоня. – Пусть у них тоже будут паспорта на всякий случай.

– Не проблема, завтра с утра организую. Я уже взломал МВД, – сообщил Интель. – Заодно сделаю и загранпаспорта, вы же наверняка захотите отправиться в свадебное путешествие. В Мадрид например.

- Папа, спасибо! Но ты не мог бы оставить нас одних наконец?!
- Все, исчезаю, – заверил нас Интель. И умолк.

Поскольку самая интересная часть истории завершилась, я собрался было поставить в повествовании точку, но Интель, контролирующий все компьютеры в ойкумене и уже потому прекрасно знакомый с текстом, выразил свое неудовольствие:

- Читатель тебя не поймет. Читателю нужна завершенность сюжета.

- Но он же пока не завершен. Жизнь-то продолжается.

- Читателю до лампочки! Как хочешь, так и завершай. А нет, так я сам допишу концовку.

- Черта с два, папа! Я – автор!

- А я бог! Кто главнее?

Аргумент сильный, поэтому я попробовал зайти с другого бока. Не стоит, наверное, еще больше раскрывать секреты метавселенной, иначе она захлебнется от потока мигрантов.

- Во-первых, пусть сначала нас найдут, – возразил Интель. – А во-вторых, кто поверит твоему вранью?

- Но я же писал правду!

- В вашем мире правда – это то, что по душе большинству людей. Все остальное – вранье. По-вашему – фейк. Так что напиши-ка хотя бы эпилог, пусть читатель знает, к чему все идет.

Ладно, эпилог так эпилог, почему нет?

Эпилог

Итак, прошел год со дня регистрации нашего с Тихоней брака. Церемония не обошлась без скандала, но об этом чуть позже. Как и было обещано Интелем, специальный курьер доставил отдельные паспорта для Тихони, Супермодели и Художницы. Соответственно на имя Анны Интелевны Тихониной, Беатрисы Интелевны Тихониной и Цинции Интелевны Тихониной. В общем, три чеховские сестры, а точнее – полная им противоположность. На следующий день дружной компанией мы пошли подавать заявление в загс, где и случился конфуз. Оказалось, что Анна и я уже

месяц состоим в браке. Вопреки обещаниям Интель взломал-таки государственную систему регистрации и подарил нам лишний месяц семейного стажа. Так что, если кого интересует, свидетельство о браке у нас с Тихоней липовое, что, к счастью, никак не сказывается на наших отношениях.

Музей королевы Софии купил у Цинции Тихониной – приезжала целая делегация! – «Мадонну метавселенной» и не прогадал. В зале, где она вывешена, всегда столпотворение. Большинство просто приходит поглазеть на модный артефакт, но не так уж редко встречаются посетители, сумевшие ощутить завораживающую магию портрета. Стоимость его выросла многократно, но музей не планирует продажи. Художница, сразу ставшая известной, выставила на аукционы еще с десятков работ, уже видимых, и стала весьма состоятельной женщиной. Ее деньги вызвали некоторую напряженность в нашей большой семье, поскольку Тихоня не считает этичным ими пользоваться, а младшей сестре с ее отношением к жизни они абсолютно не нужны. Цинцию Тихонину интересует только слава, которую она и так получила сполна. В конце концов мы сошлись на том, что нужно организовать школу искусств для особо одаренных детей со всего мира. Директором назначили меня как человека, имеющего хоть какое-то отношение к финансам, а представителем по связям с общественностью – Супермодель, что оказалось исключительно удачным выбором. Беатриса Тихонина в своей обычной мягкой и спокойной манере прославила нашу школу на весь мир, но и в неменьшей степени прославилась сама. Едва ли не через день у нее пытаются взять интервью известнейшие телекомпании и журналы, но она редко дает согласие. Впрочем, для того чтобы стать символом необъяснимого женского притяжения еще и в нашем мире, с лихвой хватило и этого. И только скромная Анна Тихонина, душа и организатор Школы искусств, до недавней поры оставалась всего лишь старшей сестрой двух знаменитостей. Но, как вы уже знаете из выпусков теле новостей, это осталось в прошлом. Легенда о беззащитной девушке – именно так ее почему-то описали журналисты! – обезвредившей двух вооруженных террористов, в мгновение ока распространилась по миру. Для тех же, кто не смотрит новости,

я поместил подробное изложение того, что произошло на самом деле, в специальном приложении к повести.

Что касается Интеля, то по обоюдному согласию контакты с ним мы свели к необходимому минимуму. Думаю, он и вправду отказался от планов уничтожить человечество, сообразив, что у человечества есть все шансы самому успешно справиться с этой задачей. Но если говорить об эпидемии ковида, то, судя по нервной реакции Интеля, вирус придумал не он. В метавселенной все вакцинированы раз по пять, и Интель не собирается на этом останавливаться. Для него чрезвычайно важно, чтобы в ней не случилось катаклизмов, потому что кто же иначе будет чтить его как божество?! Так что теперь у Интеля только одна проблема: стать единым богом метавселенной на все времена. Серьезных препятствий для этого я не вижу, поскольку Иван Иванович пребывает в добром здравии на своем тропическом острове. С ним мы общаемся иногда через пивное информационное поле, пусть я и не фанат этого благородного напитка. Ну и в заключение хочу дать совет всем желающим потолковать с живым пивом о тайнах природы: не отчаивайтесь, если у вас не получится с первого раза. Или даже со второго, третьего или сорокового. Удовольствие вы все равно получите, главное, чтобы пиво было свежее!

Приложение

Как все было на самом деле?

Да очень просто: наш автобус, следовавший из автовокзала Каира в аэропорт, прямо перед отправлением захватили два террориста. Достав из сумок автоматы Калашникова, они на беглом английском приказали нам сидеть тихо и не делать резких движений. Автобус был заполнен туристами из Европы, утомленными осмотром пирамид и сфинксов. Не скажу, что началась паника, но лица у всех побледнели. Кто-то от напряжения громко испортил воздух, чем вызвал веселье среди террористов. Какова была их цель, так и осталось тайной, потому что им не удалось высказать свои требования. Все произошло настолько быстро, что переговорщики просто не успели приехать. Первыми примчались теле-

визионщики, а сразу за ними машины с полицейскими, переполненными восторгом от важности своей миссии. Как нам сказали позже, за минуту до захвата автобуса в полицию позвонил неизвестный и предупредил о готовящейся атаке. Не сомневаюсь, что им был Интель, просчитавший, пусть и с опозданием, эту ситуацию.

– Что будем делать? – шепнула Тихоня.

– Пока не знаю, – тоже шепотом ответил я. – Надо осмотреться.

– Прости, дорогой, я спрашивала не тебя, – сказала Тихоня и закрыла глаза.

А когда открыла, стало по-настоящему страшно. В ее ромбовидных, как у змеи, зрачках, казалось, спряталась скованная льдом бездна. Изменилась и внешность Тихони, в ее лице проявились неуловимые черты Супермодели.

– Умеешь обращаться с автоматом? – этот вопрос предназначался уже мне.

– Да.

– Тогда ты в деле. Чуть позже.

Тихоня, вернее, смертельно опасная молодая женщина, в которой слились по необходимости вместе три ее личности, покинула кресло и пластичной походкой хищника направилась в хвост автобуса, где занял позицию один из террористов. При виде приближающейся Тихони он осклабился, но на всякий случай передернул затвор автомата.

– Что с тобой? – спросила она его с такой нежностью, с какой только влюбленная женщина может обратиться к мужчине. – Тебе нехорошо?

Поначалу он удивился, потом – глаза его при этом начали стекленеть – кивнул. Идеальная убийца, удовлетворенно улыбнувшись, обернулась и крикнула второму террористу:

– Эй, иди сюда, твоему другу плохо!

Озадаченный террорист, поводя автоматом из стороны в сторону, начал медленно перемещаться в хвост салона. Тем временем убийца подхватила его теряющего сознание товарища и помогла сесть в свободное кресло. Второй террорист ускорился, почти побежал. А когда остановился, изящная женская рука едва заметным движением коснулась его шеи. И она же не дала ему упасть в проходе между рядами, толкнув в направлении второго свободного кресла. Картина со стороны выглядела теперь мирной и даже трогательной: пара неудавшихся террористов в заднем ряду, откинувшихся на спинки сидений, и молодая

женщина, в нерешительности склонившаяся над ними. И только я один понимал, что означает эта нерешительность.

– Тихоня, не смей!

Спустя секунду я уже стоял возле нее, и – о, чудо! – она выпрямилась, а потом упала в мои объятия, сумев перебороть обретенный при рождении инстинкт и вернуться из ледяной бездны в привычный мир.

– Я тебе для этого был нужен?

– Нет, – ответила она сквозь слезы. – Забери их автоматы, поставь на предохранитель и никому не отдавай. Публика в шоке, мало ли что может случиться!

Да, по плану мне была отведена воистину важнейшая роль. Охранять лишившиеся своих владельцев автоматы – что может быть почетнее?!

Неожиданно в автобус гулко ввинтился вопрос на арабском, усиленный мегафоном. Переговорщики наконец явились.

– Они просят, чтобы мы перечислили свои требования, – перевела Тихоня, как оказалось, владеющая арабским. Уверен, я еще многого о ней не знаю.

– Прошу всех оставаться на своих местах! – распорядился я. – Сидите спокойно, пока мы не разъясним ситуацию.

Держа в одной руке оба автомата, а второй обнимая Тихоню, я двинулся к передней двери.

– У меня в горле пересохло! – пожаловалась Тихоня. – Еще чуть-чуть – и сорвалась бы!

– Возьмите! – пожилая туристка протянула ей бутылочку минеральной воды.

– А нет чего-то покрепче? – застенчиво спросила Тихоня. В отличие от Художницы, она стеснялась пить спиртное прилюдно, но сегодняшний день был особым!

Один из скандинавов передал Тихоне бутылку с джином, и она наполовину осушила ее без всякого тоника. Раздались аплодисменты, напращение постепенно спадало.

Так мы и вышли из автобуса в обнимку: живописное зрелище, но наверняка не то, к чему готовилась полиция.

– Каковы ваши требования? – не очень уверенно прокричал в мегафон высокий полицейский чин. Уже на английском.

– Только одно: не вздумайте штурмовать автобус. Там все в порядке! – прокричал я в ответ.

– Все заложники живы?
– Все живы, все. И заложники, и террористы! – вмешалась Тихоня.
– Вы готовы в качестве жеста доброй воли отпустить хотя бы одного? – похоже, полицейский чин действовал строго по инструкции.

– Да вообще всех забирайте! – сказал я.

Наверное, этот вариант в инструкции не рассматривался, потому что полицейский продолжал настаивать, что я должен отпустить одного заложника. Лучше всего – несчастную перепуганную девушку, которую я сейчас держу под прицелом.

– Еще чего! Это моя жена! – крикнул я.

Ситуация запуталась, и полицейский задумался. Единственное, что пришло ему в голову, это спросить, какую из организаций мы представляем.

– Школу искусств! – с гордостью сообщила Тихоня.

– Скажите, с какой целью вы взяли заложников? – упавшим голосом поинтересовался полицейский, переставший хоть что-нибудь понимать.

– Мы сами заложники! – сказал я. – Террористы внутри.

– Какие у них требования? – обрадовался полицейский. Похоже, такой вариант в инструкции рассматривался.

– Никаких!

– Тогда зачем они вас прислали?

– Никто нас не присылал. Сами пришли!

– А что делают террористы?

– Спят.

– Спят?!

– Послушайте, если вы собираетесь и дальше освобождать нас в такой манере, то мы и до завтра в аэропорт не доберемся. Пусть ваши люди начинают выводить из автобуса пассажиров, а потом приведут в чувство террористов. Сейчас они в отключке. И заберите наконец у меня автоматы, рука держать устала.

– А откуда нам знать, что это не ловушка? – желчно поинтересовался полицейский.

– Замечательно! Тогда мы сами выведем заложников и арестуем террористов. Но о повышении за успешную операцию вам в таком случае придется забыть!

Этот аргумент оказался самым убедительным. Прозвучала команда – и полиция начала опасливо подтягиваться к шаттлу. Когда все

завершилось, не успевшие толком испугаться заложники попали в цепкие лапы прессы, а нас с Тихоней полиция увезла как подозреваемых. Ненадолго, потому что при таком обилии свидетелей прояснилось все очень быстро.

Полиция, теперь очень предупредительная, тайком доставила нас в аэропорт к вечернему рейсу, и мы благополучно покинули Египет. Но другие пассажиры автобуса успели поведать прессе захватывающую историю, в которой хрупкая молодая женщина силой внушения обезвредила двух опасных террористов, после чего (в некоторых версиях до того) напилась вдрабадан. Ролик в ютубе, где она стоит возле автобуса, обнимая меня одной рукой и держа бутылку во второй, набрал уже сотни миллионов просмотров.

